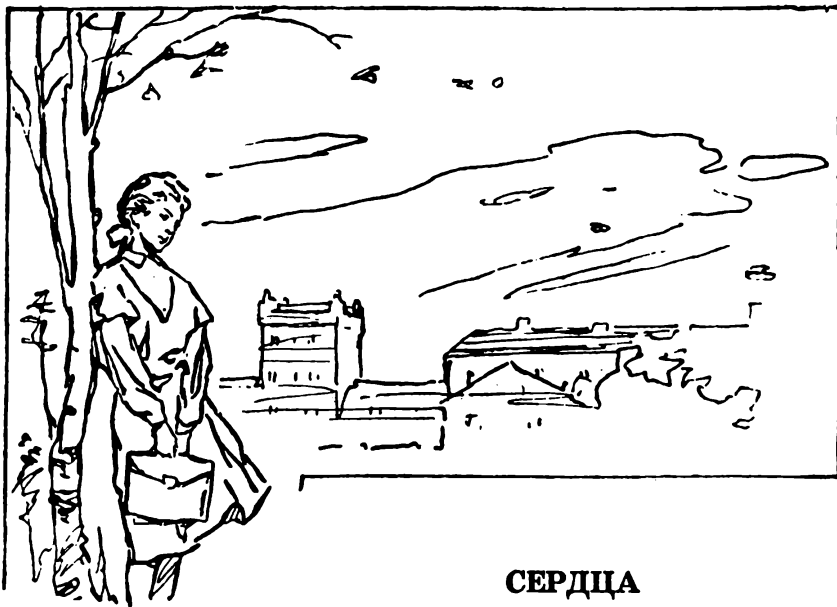

СЕРДЦА ПЕРВОЕ ВОЛНЕНИЕ

«Наклеывается
что-то грандиозное...»

класс бушевал...

Подумать только: пятнадцать двоек! Ни разу за все десять — простите — девять лет такого не бывало. А их учил Геннадий Лукич, учитель с многолетним стажем, прекраснейший, добрейший человек. Он никогда не выставлял такого астрономического количества отрицательных отметок. И вдруг эта тихая, эта мило робеющая Маргарита Михайловна, вчерашняя студентка, заявляет:

— Плохо. Вы как будто никогда не писали сочинений. Вы не умеете строить фразу.

Класс замер. А минуту спустя вспыхнуло возмущение. Уж на что Надя Грудцева, влюбившаяся в новенькую учительницу с первого дня, с замиранием сердца слушавшая каждое ее слово, и та надула губы, и у той в синих глазах заметались сердитые искры.

В ее сочинении о Сатине и Луке насчитывалось двенадцать стилистических ошибок, и под ними притаилась хвостатая зверюга в виде цифры 2. Надя была в смятении: у нее всегда за сочинения были четверки.

Маргарита Михайловна потребовала, чтобы ребята дома проанализировали каждое подчеркнутое предложение, продумали, что в нем неправильно и как можно исправить.

В этот момент класс и забушевал.

— Не умеем! Не знаем! Нас этому не учили!

— Как не учили? А Геннадий Лукич?

— Ни разу! И все тридцать человек успевали.

Больше всех негодовала златоволосая Лорианна Грацианская:

— А почему у меня единица? «Духовный мир Насти устремлен к студенту с громадным револювером Раулю»... Спрашивается: почему подчеркнули? Возмутительно! Одни подчеркушки! Геннадий Лукич никогда не подчеркивал.

— Не шумите. Я настаиваю, чтобы вы выполнили мои требования. Не сумеете сами — я помогу. Проведем занятия по стилистике.

— А! Дополнительные! Не останемся!

Перед юной учительницей был не класс, а бушующее море. Она не знала, что предпринять, чтобы всех успокоить.

— Так нельзя... Я требую... — пыталась она перекричать всех. — Завтра после уроков будем заниматься.

То было вчера. А сегодня эта тихая, легко смущающаяся учительница, миниатюрная, стройная девушка с большими грустными глазами, освещающими милое задумчивое лицо, говорила с неведомо откуда взявшейся твердостью в голосе:

— Начинаем занятие по стилистике. От этих занятий я никого не освобождаю.

— Тише! — требовала она, хотя в классе и без того было тихо. — Да, анализируйте и переделывайте каждое отмеченное предложение. — Знаете, по-флоберовски: «Ухаживайте за фразой до тех пор, пока она вам не улыбнется»...

— Совет полезный... — сыронизировал кто-то. — Учтем.

— Со стилем у вас провал. Мы будем заниматься стилистикой систематически, упражняться и упражняться...

— Чудесненько! Этого еще не доставало! Перегрузочку создавать! — все еще дула губки Люрианна Грацианская.

— Да, — стояла на своем Маргарита Михайловна. — Будем. Скажите, есть среди вас занимающиеся спортом?

— Есть. Вот Степа Холмогоров. Конькобежец. Первое место по городу держит.

— Скажите, Степан, как вы стали хорошим конькобежцем?

— Я? — Степан поднялся. — Не знаю. А... к чему этот вопрос?

Кажется, в этот момент Маргарита Михайловна впервые рассмотрела его как следует. Это был юноша среднего роста, худощавый, с небольшим лицом, казавшимся то суровым, то насмешливым, на котором кое-где были рябинки — следы давно перенесенной болезни. Но не все лицо, а в первую очередь глаза его, темно-серые, глядевшие внимательно, прямо, несколько испытующе, поразили ее.

— Вы много тренировались?

— Да, много.

— Благодарю вас; это я и хотела слышать; садитесь. А известно ли вам: чтобы овладеть скрипкой в совершенстве, Паганини — в детстве и в юношеские годы — упражнялся до изнеможения? Сам ставил перед собой задачи нечеловеческой трудности и преодолевал их? А как много работал над каждым предложением Горький! И вам, чтобы овладеть стилистикой, надо работать много и настойчиво. Мы будем анализировать язык художественных произведений, разбирать каждое написанное вами предложение. Приступайте к работе.

Класс притих. Степан повернулся к Анатолию Черемисину и сказал, указывая на ребят:

— Взгляни... Бояре понадули пузы...

— Ничего не попишешь, придется поработать, — ответил Анатолий.

— Наоборот, — возразила Надя, — не ничего не попишешь, а очевидно, много попишешь.

Она сидела на второй парте среднего ряда, вместе с ближайшей подружкой своей, Кларой Зондеевой, а Черемисин — по соседству, позади, у окна; Степан — за ним, тоже у окна. На самостоятельной работе разрешалось потихонечку, так сказать, в пределах рабочего шума, разговаривать и даже пересаживаться на другое место, каковым правом тотчас и воспользовался Анатолий Черемисин, пересев к Наде Грудцевой поближе; парта тут стояла маленькая, он с трудом закинул под нее свои длинные ноги.

Надя тыкала пальцем в свою тетрадь и недоумевала:

— Ну, скажите, — чем плохо: «Васька Пепел — сильная натура, который стремится так жить, чтобы он сам себя мог уважать, и он безумно любит Наташу»? Что тут неправильно? Подчеркнуто! И знак восклицания на полях — как пика. А ты бы как написала, Клара?

— Я? — Клара медлительно-важно повернула голову к Наде и, блеснув стеклами очков в черной оправе, сказала веско: — Я сформулировала бы так: «Василий Пепел — представитель той части опустившихся на «дно» жизни людей, у которых еще не изжито стремление к лучшей форме существования».

— Боже! Как длинно и скучно! А ты, Анчер?

Анчером ребята звали Черемисина; он одну тетрадь свою подписал так: «Тетрадь по физике Ан. Чер...»; остальную часть фамилии он не дописал, а просто расчеркнулся, наставив завитушек; так и пошло: «Анчер», «Анчер»...

— Я бы, во-первых, — ответил он, — отбросил «безумную любовь к Наташе»; она тут вроде довеска, то есть ни к чему. Во-вторых, поуваживав за этой фразочкой, я бы остановился на такой редакции: «Васька Пепел желает жить иначе, но как — он не знает и потому тоскует».

— А я бы все оставила как есть! — сказала Надя своевольно. — У меня и полнее и... сердечней. «Редакция», «варианты»... Мало ухаживали, дорогой друг, и фразочка улыбнулась вам кислой улыбкой.

Рассерженная, она уткнулась в тетрадь и стала думать, как сделать злополучную фразу лучше.

Маргарита Михайловна ходила между рядами парт

и оказывала помощь то тому, то другому десятикласснику, сумевшему забрести в такие стилистические дебри, откуда он без надежной руки поводыря выбраться уж никак не мог.

К Наде Грудцевой подлетела Лорианна Грацианская, то есть просто Лора, ало-беленькая, как первый снег на заре, остроносенькая девочка с предельно рыжими огненными волосами и с светло-карими, под цвет волос, глазами (вот куда ударила рыжина!), — подлетела и с упоением зашептала:

— Девочки! Посмотрите, — нечто бесподобное! — и показала несколько фотооткрыток киноартистов. — Редчайшие, уникальные снимочки! Ах, если бы вы знали, сколько затратила я трудов, такта, ловкости, чтобы приобрести их! Теперь у меня 56 штук кинозвезд. Чудесненько, да?

— Замечательно, только не трещи, пожалуйста, — ответила Надя, предварительно, конечно, оглядев уникальных киноартистов, и посоветовала: — Спрячь, а то Марго... И вообще — не мешай, займись стилистикой, это куда важней.

Анатолий Черемисин в это время старательно «ухаживал за фразой», вместившей три «которых» и два «чтобы». Ожесточенно ворочая длинными ногами, чтобы подыскать для них удобное положение, он ворчал:

— «Упражняться... Анализировать язык классиков...»

— Чем ты недоволен, квасик? — слегка передразнила его Надя (Анатолий, когда волновался, неясно выговаривал «л»).

— Надо и свое писать.

— Свое?

— Ну, да. У нас, то есть в той школе, где я учился, выходил журнал. Мы сами писали рассказы, стихи...

Надя вскинула на него глаза и, как бы взвесив все сказанное им, проговорила:

— Это... интересно!

— Перестаньте разговаривать, — властно и не без раздражения сказала им Клара. — Ведь идет урок.

— Кларочка, — идея! — повернулась к ней Надя. — Ты понимаешь, он предлагает выпускать литературный журнал.

— Что? — переспросила Клара. — Журнал? Полагаю, что эта затея нежизненна.

— Нет, жизненна.

— Глупости. Работай.

Надя работала, но мысль о журнале не выходила у нее из головы. Она тут же написала двум-трем подружкам записочки, и те ответили: журнал — это звучит здорово! А когда прозвенел звонок с урока, Надежда Грудцева, как ветер, понеслась к учительнице и заговорила еще на лету:

— Маргарита Михайловна! Маргарита Михайловна! Давайте выпускать журнал!

В первый момент Маргарита Михайловна растерялась. Как журнал? Какой журнал? То есть она, конечно, понимала, какой журнал, но сейчас ей трудно было поверить, что это предлагают десятиклассники, еще вчера поднявшие страшный шум по поводу двоек. Ее обступили со всех сторон. «Мы будем писать стихи, рассказы. Это же замечательно! Это и стилистику нашу подтолкнет!» Кто это говорит? А, — синеглазая...

Вчера Маргарита Михайловна рассказала Владимиру Петровичу, завучу, о массовых двойках за сочинение, поделилась своими сомнениями и желаниями. Владимир Петрович посоветовал в классе держаться твердо, не выдавать своего волнения. Сегодня ей, кажется, удалось это; но какого неимоверного напряжения воли стоил ей сегодняшний урок! «Сумею ли, выдержу ли?» — спрашивала она себя тысячу раз и радовалась каждой отвоеванной минуте тишины и порядка.

Урок благополучно кончился.

И вдруг эта синеглазая, длиннокобая Надя со своим предложением!

— Что ж, это хорошо... это очень хорошо, — говорила Маргарита Михайловна, изо всех сил стараясь казаться спокойной и чувствуя, как лицо ее заливают блаженная улыбка. — Так какое же, собственно, вы хотите придать направление журналу?

Надя подтолкнула Черемисина:

— Говори... Анчер, ну?

Высокий, плечистый, с несколько мягковатым для юноши лицом, от робости совсем не выговаривая «л», Анчер начал:

— Направление... это я не знаю, то есть не думав. Хотелось бы, чтобы у нас был кружок, то есть творческий кружок. Многие ребята... там, на Северном Кавказе, где я учился... писали стихи, рассказы. Давайте выпускать альманах, то есть журнал. Например, когда Пушкин учился в лицее...

— Ого! Черемисин метит в Пушкины!

— Поэт, которому имени нет!

— Нет, он будет критиком, Белинским!

— Возражаю: критик у нас — Кларисса Зондеева!

— А мне думается, — раздался голос с вышины (это Лорианна Грацианская, чтобы лучше видеть Маргариту Михайловну, взобралась на парту и говорила оттуда через головы товарищей и подруг) — ничего такого нам не нужно. У нас и без того времени не хватает. А тут — журнал, кружок...

Поднялся шум невероятный, ибо мнения разошлись.

Анчер помахал руками, желая утихомирить стихию, не совладал с нею и притих. Тогда Надя, окатив всех гневным взглядом удивительно синих глаз, горячо заговорила:

— Что вы расшумелись, как воробьи? Толя Черемисин подал хорошую мысль...

— То есть прекрасную, — спародировал кто-то Черемисина.

— Не остри. Ведь, правда, Маргарита Михайловна, это поможет нам... ну, как бы это сказать?.. стилистику улучшать; да?

— Конечно, — сказала Маргарита Михайловна. — Это ж лучшее средство. Вы, Черемисин, что могли бы дать для журнала?

— Я? Не знаю... То есть, наверно, повесть... О полете на Луну. В наш век сверхдальних межконтинентальных ракет это становится реальной возможностью.

— Отлично. А вы? — обратилась она к Наде.

— Я?.. Роман! — рассмеялась Надя, а глядя на нее, и все заулыбались. — Да я же не писательница.

— Она напишет мемуары о кратковременной, но возвышенной дружбе с Анчером, — вслух предположил Степан Холмогоров.

— Ну, и так. Тебе завидно, да? — обрушилась на него Надя. — Говори прямо — ты умный парень — нужен журнал или нет?

— Вещь полезная, — ответил умный парень.

Маргарита Михайловна, развивая его мысль, сказала, что все это: литературный кружок, журнал, занятия по стилистике — все объединится одной целью и будет помогать одно другому.

— А как будет называться журнал? — спросила Лора Грацианская.

— Я считаю, — поправляя очки, сказала Клара Зондеева, — что с литературным журналом у нас ничего не получится.

Сухой, похожий на стук палочек, голос ее звучал ровно и довольно сильно.

— ...Целесообразнее, с точки зрения школьной жизни, издавать журнал такой, в котором в деловой форме освещалась бы жизнь комсомольской организации, работа учкома. Давать большие статьи...

— А кто их будет читать? — спросила с высоты своего положения Лорианна. — Нет уж... Лучше что-нибудь красивое, тонкое, — такое, знаете...

— ...чувствительное! — в тон ей жеманно проговорил Степан. — Стихи, например. И новеллы из жизни кинозвезд. Чтобы наша Горя Ванна, — простите, — Лорианна, — таяла от наслаждения.

— Чтобы сатира была в журнале! — шумели мальчишки. — «За ушко да на солнышко»!

— Я стою за деловой журнал, — поблескивала очками недовольная Клара.

— Нет, художественный! — не соглашалась Надя.

— Никакого не надо! И кружка не надо! — раздавались голоса.

Спор разгорался... Перевес брали те, кто стоял за выпуск журнала; к ним присоединилась и Лора Грацианская.

Надя Грудцева радовалась больше всех. Маргарита Михайловна тоже радовалась, но еще сомневалась: «Поговорят, пошумят и забудут, бросят...». Кто-то крикнул:

— Давайте назовем «Счастливая юность»!

— Нет, нет, нет! — затараторила Лорианна. — «Золотые огоньки»!

— «Наша жизнь», — предложила Клара, сообразив, что дальше противостоять начинанию, поддержанному абсолютным большинством, было бы бессмысленно.

Остановились на названии «Счастливая юность».

— Так ведь и редколлегия надо выбрать, — сказала Маргарита Михайловна.

В редколлегия вошли Анатолий Черемисин (главный редактор), Степан Холмогоров (художник), Надежда Грудцева, Клара Зондеева (члены коллегии).

— Маргарита Михайловна! Маргарита Михайловна! — сказала Надя Грудцева, когда уже все расходились. — Это замечательно — журнал! Я буду писать. Я еще в седьмом классе училась — писала. Вот так Анчер! На какое дело поднял всех! Ведь он славный, да? Хороший? Ведь правда? Я напишу, вот увидите.

— Н-да... — глубокомысленно сказал Степан Холмогоров, — наклеивается что-то грандиозное. Интересно!

Большая перемена

Сентябрь прошумел золотой листвою, и голой веткой березы постучался в окно солнечный, но холодный октябрь.

Школьная жизнь, поначалу несколько суматошная и по-каникулярному беспечная, укладывалась — да уж считай, что уложилась! — в рамки правил, режимов, инструкций. По расписанию, выработанному завучем школы, Владимиром Петровичем, человеком непреклонным и неумолимым, в строгом порядке шли уроки.

Надя Грудцева в эти дни просыпалась рано, словно от толчка какой-то беспокойной, горячей силы, коготорой она была полна и которая рвалась наружу, к действию. Наскоро позавтракав, она спешила в школу, в жизнь, полную разнообразных волнений, отчего-то ставших теперь особенно интересными и значительными. И рдеющие гроздья рябины в палисаднике, и улица, залитая солнцем, и запах сочной капусты с огородов — все было необыкновенно хорошо, от всего веяло свежестью, все бодрило, зажигало веселый огонек в крови. Надя шла в школу, а ей казалось, что ее

несет все та же буйная, светлая сила, и думалось, что раз все так хорошо, раз там, в школе, все так волнующе-интересно, а ребята — такие замечательные, то нельзя жить просто так; что-то кипит и поднимается в твоём сердце, и ты что-то сделаешь, — такое красивое, большое; не сегодня-завтра, но обязательно сделаешь такое, о чем можно будет рассказать только стихами. Или в песне спеть... И, может быть, именно сейчас ты идешь навстречу этому...

Сегодня, встав с постели, она распахнула окно и в одной рубашке, с нерасчесанными волосами, села за стол — переписать набело сделанное вечером упражнение. В окно, вместе с солнцем, вливались прохлада и острый, горьковато-сладкий запах рябины. Надя писала:

«У Горького в черновике было: «И жизнь начинается своим чередом». А в окончательной редакции: «И жизнь идет своим...» Потому что — это короче, проще, яснее».

Надя останавливается и поражается: вот — писатели... Найдут же словечко, — лучше не подберешь! А Маргарита Михайловна где-то находит книги с такими вариантами, и вот вам, пожалуйста: задание... Попробуй, разберись — почему писатель заменил одно другим. Как говорит Толя Черемисин, — сумеи превзойти непревзойденных. А вот с журналом он ничего не делает, только собирается засесть за повесть. Клара сказала, что напишет статью. Однако прошло две недели, а рукописей не видать. Анчер — чудак... Вчера в библиотеке смотрели иллюстрации к «Дон-Кихоту». «Я завтра утром, — сказал он, — встану под твоим окном с гитарой, как рыцарь, и спою серенаду, то есть баркароллу...» (у него получилось: коровву!)... А что, — а вдруг и на самом деле придет? А я в одной рубашке, волосы как у дикобраза... Скорей, скорей...

Через несколько минут, в пальто, без шапочки, с белоснежными бантами в волосах, она сбежала с крылечка и почти лоб в лоб столкнулась с Анчером.

— Толь! Какими судьбами? У нас тут, на краю света...

Надя жила на окраине города, на Пихтовой улице, у подошвы высокой горы, заросшей пихтами.